

ГЛАВА 1

Каждое утро Арк просыпался в своей маленькой квартирке и надеялся, что это все еще сон.

Обычно его будила ругань соседей сверху, но случались исключения, поэтому иногда он просыпался от ругани соседей сбоку или снизу. Просыпался Арк всегда тяжело. Каждый раз ему не хотелось открывать глаза и выныривать из-под одеяла, ибо никогда и ничего хорошего это занятие не сулило. Если все-таки ему удавалось каким-то чудом открыть глаза, то первые десять минут он был занят тем, что пытался выкрасить кипяток многократно использованным пакетиком черного чая. Если вода хотя бы желтела, утро считалось хорошим. Если — нет, утро считалось нормальным. Но чаще всего у Арка даже такого чая не было, и он пил кипяченую воду без сахара, то и дело выплевывая кусочки накипи прямо под ноги.

Позавтракав, если было чем, Арк обыкновенно направлялся в ванную и умывал лицо под тоненькой струей ржавой воды, откручивая кран лишь на парочку сантиметров, чтобы показания счет-

чика едва-едва сдвинулись с места. Зубы он чистил похожим образом. Процедура это занимала целых полчаса, ибо первые пятнадцать минут Арк пытался выдавить хоть что-нибудь из исхудавшего тюбика, где когда-то было паста, а оставшееся время он скрупулезно елозил щеткой по каждому зубу, удивляясь, как ему удалось сохранить в целости каждый из них. Зубами он дорожил и гордился ими. То же касалось и его ботинок.

Закончив утренние процедуры, Арк обыкновенно возвращался в комнату, тщательно переступая через тараканов, клопов и даже мышь, которая в последнее время до того осмелела, что совсем перестала прятаться и жила у него в качестве питомца. Мышь он назвал Алисой и всякий раз приносил ей что-нибудь вкусное. Однажды он даже похитил у белки парочку орехов, чтобы накормить Алису, и та каждую ночь будила его аппетитными шорохами. Осматривая комнату на предмет того, что нужно взять с собой в новый день, Арк всегда приходил в уныние. У него не было практически ничего. Посреди комнаты лежал старенький матрас, окруженный книгами, но ни одну из них до конца Арк так и не прочитал. Он нашел их на улице и не смог пройти мимо, посчитав кощунством выбрасывать кем-то написанные истории.

В новый день Арк обычно брал эту сумку и маленький рюкзак, который помещался в районе

**СКОЛЬКО
МОЖНО?!**

**ТЫ
ДОСТАЛ!**

**ВАЛЕРА,
ТВОЮ
МАТЬ!**

книг. У изголовья лежала клетчатая сумка, ночью служившая подушкой. Собрав все необходимое, он обычно выходил на улицу и проверял погоду. Делал он это просто так, ибо одежда у Арка была одна на все сезоны: темные брюки, удачно скрывавшие пятна на них, такого же цвета водолазка и серое пальто, одновременно уместившее на себе так много дыр, что спустя какое-то время и само, должно быть, превратится в одну сплошную дыру.

Проверив, что ничто не забыто, Арк обувал тяжелые ботинки, те самые, которыми он гордился, ибо они не имели ни одной дырочки и служили ему верно и долго. Далее он принимался за двери. Сначала он закрывал первую деревянную дверь, поворачивая замок один раз. Дальше — еще одну деревянную дверь, с поворотом замка уже трижды. А уже находясь на лестничной клетке, он закрывал последнюю, железную, дверь, прокручивая один замок трижды и другой — дважды. Ключ прятал во внутренний карман пальто и застегивал карман на молнию, которую сам же и вшил. Лифтом он не пользовался, не желая встречаться с соседями, потому что те часто смотрели косо, а иногда даже позволяли себе не слишком ласковые выражения в его адрес. Впрочем, он всегда был рад встретить Матильду. Она всегда здоровалась первой, была вежливой, интересовалась его делами, и, собственно говоря, ботинки, которые Арк носил

с таким удовольствием, были подарены именно ею. Как-то Арк откликнулся на объявление, приклеенное к стене, где было написано нечто, никого неспособное растрогать: «Отдаются ботинки. Ношеные». К ботинкам она предложила Арку еще и очки с темными круглыми линзами, доставшиеся ей от отчима, но Арк отказался, так как они недостаточно подходили к его стилю.

Спустившись по лестнице, стараясь отводить глаза от взглядов встречавшихся ему соседей, Арк поздоровался с пожилой консьержкой. Та не ответила, только проводила его вылезавшими из-за толстенных линз глазами, впрочем, довольно дружелюбно, но и задумчиво. Так случалось каждое утро, и каждый раз она успевала его остановить, чтобы задать вопрос:

— Вы же из двенадцатой квартиры? Помню, вы с книгами ходили тут. Подскажите: травянистое растение семейства злаковых.

Арк, не задумываясь, ответил:

— Рис, Марь Ивановна.

Консьержка скрючилась над кроссвордом, освещаемым тусклой лампой, вкрученной в допотопный светильник, вписала подсказанное ей слово, и лицо ее тут же изменилось не в лучшую сторону.

— Сволочь ты! — закричала она. — Кроссворд мне испортил!

Но Арк уже был на улице, где вытряхивал из своей клетчатой сумки остатки вчерашней добычи.

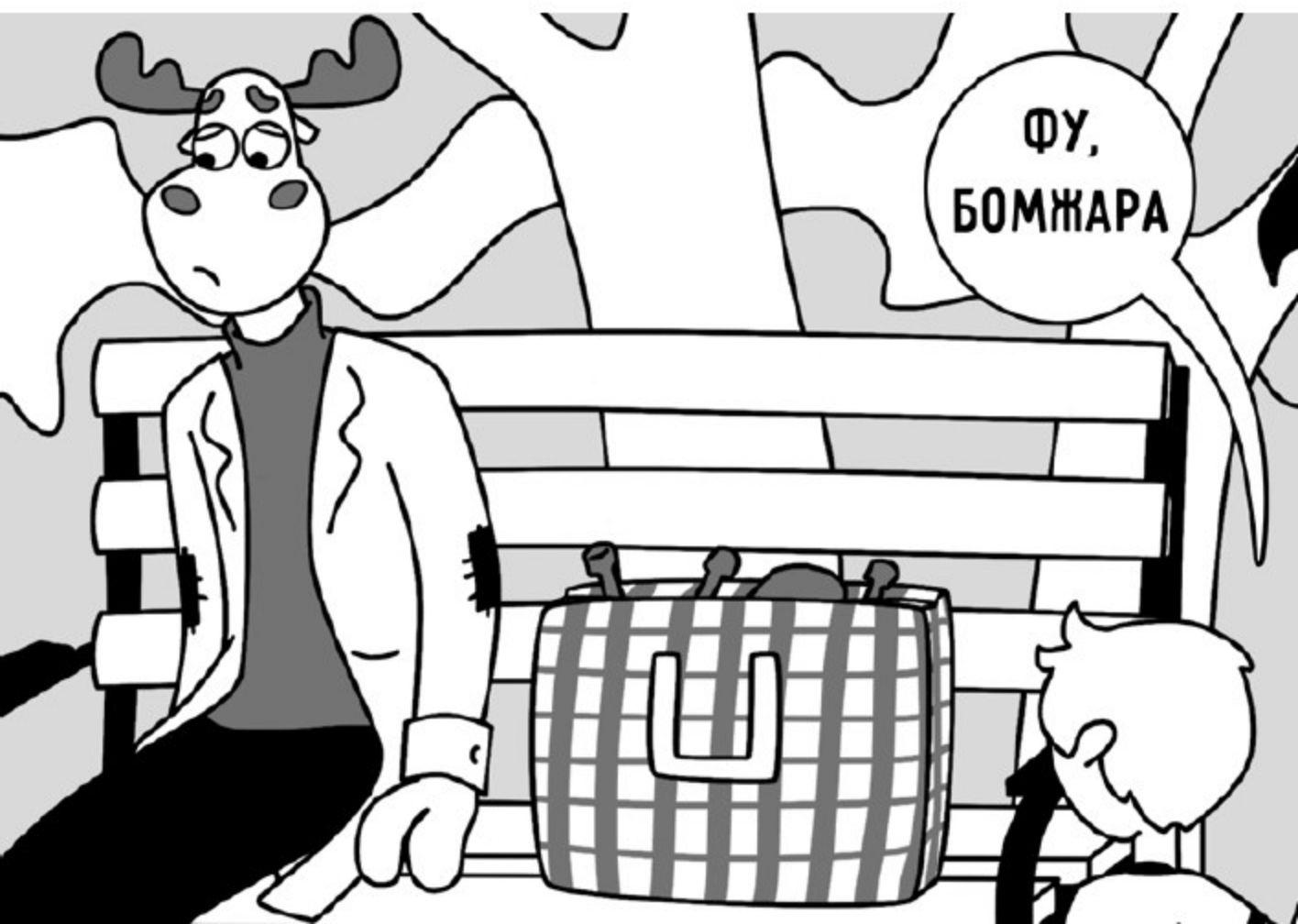
Очутившись снаружи, Арк тут же забывал, откуда вышел. Не в буквальном, конечно, смысле. Дело в том, что у него совершенно отпадали мысли на тему, насколько жалкую жизнь он ведет. Оказываясь на пороге нового дня, он непременно, хоть и неизвестно, откуда, приобретал веру в этот самый новый день. Ни беды, ни обстоятельства все равно не смогли разрушить его веру в чудо, и он выходил из подъезда с твердым намерением вернуться обратно как минимум чуточку счастливее. Получалось это далеко не всегда, но Арк не сдавался.

Выйдя и вдохнув свежего воздуха, он вешал на плечо свою клетчатую сумку и первым делом заглядывал под лавочку, стоящую у подъезда. Обычно он находил там как минимум одну стеклянную бутылку. К осуждению Арк давно привык и не обращал на него никакого внимания, хоть и старался выходить на улицу пораньше, чтобы как можно реже встречать людей. Сначала он прохаживался вдоль своего дома, заглядывая под лавочки и находя там банки, бутылки, окурки и прочий мусор. Окурки он бросал в стоящую рядом урну, а остальное забирал себе. Затем он шел в соседний двор, потом — в следующий и, таким образом, в итоге выходил к первому большому мусорнику. Рыться в них он себе не позволял даже в самые тяжелые времена, но здесь он делал первую передышку и, садясь в кем-то выбро-

шенное кресло, начинал сортировать найденное. То, что нельзя будет сдать на вторсырье, он выбрасывал в контейнер, а алюминиевые банки раздавливал, чтобы они не занимали так много места. Местные обитатели здоровались с ним, но заговаривать не спешили, предпочитая болтать между собой:

— Неплохой урожай, а? — говорил кому-то старик, пытавшийся выудить из контейнера нечто, напоминающее оленьи рога. — И кому только вздумалось это выбрасывать, а?

Проходивший мимо, спеша на работу, мужчина, не глядя, выкинул мусорный пакет, и тот элегантно повис на рогах, которые старик уже почти выволок из контейнера.

— Что за люди, а? — возмутился он, оставил рога и перебрался к другому контейнеру. — Хотя был у меня знакомый, который пришел на зачет с рогами оленя, красным носом и пел преподавателю песенку: «Добрый день, я — Саня-олень! Скоро будет Новый год, ну поставьте мне зачет!». И поставили ведь оленю этому. Большой человек теперь-то! А я тогда завалил экзамен, постеснявшись рога напялить...

Арк тем временем подсчитывал, сколько ему удастся выручить с находки. Получалось негусто, и он, утрамбовав все в сумку, поднялся с кресла и отправился дальше. На прощание он кивнул старику, но тот не ответил, потому как сердился на судьбу.

Уже в следующем дворе Арку улыбнулась удача, и он нашел пустую винную бутылку и одну чистую литровую банку, кем-то небрежно оставленную возле подъезда. Какое-то время он ждал, не появится ли хозяин, но тот не объявился, и Арк пошел дальше. Банка была из-под майонеза, кем-то тщательно вымыта, но все равно от одной мысли о еде у Арка скрутило живот. В другом кармане (кстати, тоже с молнией!) он нашел монеты и тщательно их пересчитал. Хватало на полбуханки серого хлеба.

К тому моменту, когда люди уже вовсю высыпали на улицу, направляясь на работу, Арк с полной сумкой шел к пункту приема стеклотары,

находившийся недалеко от его дома, где работал его самый близкий друг. Встречные прохожие брезгливо морщились, поэтому он старался обходить остановки и дороги, предпочитая нырять во дворы, где подобных лиц было гораздо меньше. Бутылки мелодично позвякивали в сумке, вырисовывая мелодию, пульсирующий висок отыгрывал барабаны, а желудок урчал, совершенно по-профански не попадая в ритм.

На пункте приема было пусто, лишь большой друг Арка, Тим, славный парень и работяга, невесело выглядывал из маленького окошка. Увидев Арка, он тут же переменялся в лице и крикнул:

— Вот бы разбогатеть, скажи? Что мы купим первым делом, брат мой?

Сказав это, он вышел на улицу, чтобы помочь другу с тяжелой сумкой. Вообще природа их дружбы оставалась загадкой и для них самих. Поначалу они перебрасывались лишь несколькими словами, но со временем это были уже длинные, хоть и неловкие предложения, зато сейчас парни говорили часами, причем на совершенно разные темы, оттого Тим так и обрадовался. Ему не терпелось рассказать Арку хотя бы пару историй, услышанных им за время, пока они не виделись. Тим помогал Арку выгружать тару из сумки, расставляя схожие бутылки рядом, а сам рассказывал:

— Представляешь, был тут один тип недавно, в музее биологии. Все как положено: банки,